

ДОКЛАД НА X СЪЕЗДЕ РКП О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ (1).

Вопрос о профессиональных союзах стоит в центре внимания не только нашей партии, но и Коммунистического Интернационала в целом, а можно даже сказать шире — в центре внимания всего международного рабочего движения. Это не случайно. И те товарищи, которые до сих пор убеждены в том, что у нас в России внимание партии было приковано к профсоюзам искусственно, что вопрос этот был раздут, мне кажется, должны убедиться в неправильности своего взгляда. Если бы они посмотрели на то, как страстно вопрос о профсоюзах сейчас обсуждается буквально во всем международном рабочем движении, они убедились бы в этом. Самая страстная борьба вокруг профсоюзов кипит сейчас в Германии (2), где буквально $\frac{9}{10}$ внимания рабочего класса посвящено борьбе различных тенденций внутри профессионального движения. И во Франции (3) вокруг этого вопроса кипит самая страстная борьба. И в Италии (4) то же самое. И теперь такая же борьба переходит на англо-саксонские страны. Я повторяю, это не случайно. Это объясняется тем, что профессиональные союзы, особенно после окончания империалистской войны, стали повсюду организациями, обнимающими весь пролетариат почти поголовно.

У нас, в России, благодаря существованию Советской власти, мы имеем поголовные организации рабочего класса, в которых преобладают руководители коммунисты. И мы имеем единое рабочее профессиональное движение.

В странах буржуазных, буржуазно-демократических профессиональное движение расколото на несколько частей. Но, в сумме взятые, они часто тоже дают почти поголовную организацию рабочего класса. Вот почему теперь все партии видят, что завоевать профсоюзы означает завоевать рабочий класс, а иметь на своей стороне рабочий класс означает иметь все, или почти все. Этим объясняется то обстоятельство, что вот уже полгода, а то и больше, в некоторых странах борьба ведется именно в плоскости профессионального движения. Вот почему, при всем различии положения, какое мы имеем в России, от положения в других странах, мне кажется, есть и общие черты, заставившие нашу партию профсоюзам в России уделить так много внимания.

В дискуссии, бывшей до съезда, уже не раз указывалось, что, когда мы споры вели о профессиональных союзах, то мы говорили в то же время и о целом ряде других крайне важных проблем. Это было, разумеется, не только в силу желания того или другого полемиста, но это было потому, что эти проблемы действительно теснейшим образом друг с другом связаны. О чем спорили мы в связи с дискуссией о профсоюзах? Об очень многом, и в первую очередь о следующих коренных вопросах. Мы прежде всего в связи со спором о профсоюзах говорили о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства в нынешней новой полосе нашей революции. Товарищи вспомнят, что в платформе «десяти» тезис третий посвящен специально этой теме. Тезисы составлялись около двух месяцев тому назад, когда обстановка была гораздо более благоприятна, когда мы почти еще не имели крестьянского недовольства, когда мы могли только еще предсказать, что на переломе двух эпох оно должно будет проявиться. Мы составили эти тезисы и для внешнего мира, и по понятным причинам должны были быть более осторожны. Отсюда формулировка этих тезисов достаточно глухая, но всякий, кто умеет читать, всякий вдумчивый партийный работник уже 2 месяца тому назад должен был бы вычитать то, что теперь яснее ясного.

Тезис 2-й гласит: «Российской Коммунистической партии приходится осуществлять диктатуру пролетариата в стране с громадным большинством крестьянского населения. Ныне, когда крестьянству непосредственно уже не угрожает восстановление помещичьей власти, дело осуществления пролетарской диктатуры встретится с новыми трудностями. Успешное осуществление этой диктатуры возможно только при наличии мощных, проникутых единством воли и стремлений, профсоюзов, как массовых организаций, открытых для всех пролетариев, находящихся на разных ступенях развития их классового сознания».

Если была такая большая страстность в нашем споре, то она объясняется и тем, что мы попутно спорили о том вопросе, который нынче господствует над умами всех нас, всего съезда и всей партии: о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства в той полосе революции, которую мы теперь переживаем. Мы спорили попутно по вопросу о взаимоотношении авангарда партии и всего класса. Когда мы говорили о «школах коммунизма», мы подходили вплотную к тому вопросу, который является коренным вопросом на том перевале, который переживает наша рево-

люция. Мы спорили, в-третьих, об отношении партийно-организованного меньшинства к беспартийной массе и к беспартийным крестьянским и рабочим организациям. Мы спорили дальше в связи с профессиональными союзами по вопросу о внутри-партийном режиме, который должен создаться в новую полосу нашей революции, т.-е. о том, что мы назвали рабочей демократией. В целом мы спорили о способах и методах подхода организованного коммунистического меньшинства, в 700.000 человек ⁽⁵⁾, к массе организованных в профсоюзы, к нескольким миллионам человек, которые, в свою очередь, должны как-то подойти к нескольким десяткам миллионов человек крестьян. Вот та сумма проблем, которые мы должны были затронуть в дискуссии, которые были затронуты, и которые неизбежно партия должна была поставить в тот период, который мы переживаем. Но, само собой разумеется, мы должны из всей этой суммы вопросов в данном месте съезда выделить те, которые непосредственно относятся к профессиональному движению, ибо мы разбили свой порядок дня так, что целый ряд из этих вопросов относим к другим пунктам порядка дня.

Что мы имеем в профессиональном движении России? Чем мы располагаем? Каков наш инвентарь в этой области? Мы до сих пор уделяли слишком мало внимания профессиональному движению как в центре, так и на местах, слишком мало знали даже в самых общих чертах о количественной и качественной стороне нашего профессионального движения. Я ознакомлю вас с некоторыми из последних цифр, которыми располагает Всероссийский Центральный Совет профессиональных союзов. Мы имеем 23 всероссийских объединения, 23 всероссийских съезда, ЦК, из которых 16 объединяют рабочих в широком смысле этого слова, а 7 объединяют обслуживающих производство людей. Мы имеем дальше 69 губпрофсоветов, мы имеем 1380 губернских профессиональных отделов и мы имеем 7521 уездотделов профсоюзов. Это к вопросу о количественной стороне дела. Каждый из наших союзов имеет до известной степени свою биографию. Всякий, кто интересуется не первый год профессиональным движением в России, тот знает, что о каждом союзе уже можно рассказывать его собственную историю. Я не могу заниматься этим сейчас, я только хочу указать еще на одну цифру. Ко времени 5-й конференции профсоюзов, которая была, как вы знаете, в ноябре 1920 г., Всероссийский Центральный Совет профсоюзов насчитывал профессио-

нально-организованных членов 6.666.282 чел. В целом, профессионально организованных рабочих и служащих ВЦСПС насчитывает в нынешний момент около 7 миллионов круглым счетом. Эти цифры распадаются, в свою очередь, на следующие две цифры: если вы возьмете 16 союзов, объединяющих рабочих, объединяющих людей, занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности, и прибавите железнодорожников, обслуживающих транспорт, то вы получите примерную цифру 4.500.000 чел. в 16 союзах, которые можно назвать наиболее рабочими, пролетарскими; и вы получите около 2 с лишним миллиона обслуживающих производство, которые объединены в 7 союзах. Разумеется, этими цифрами ни в коем случае не следует обманываться. Никто из нас не будет утверждать, что эти 7 миллионов действительно планомерно и хорошо организованы. Никто не имеет права забывать, что мы записывали оптом сотни и тысячи членов профсоюзов, «приписывали» их иногда целыми мастерскими. Разумеется, эти цифры надо брать, все время имея в виду то обстоятельство, на которое я сейчас указываю. Но, тем не менее, для сравнения следует помнить, что к 3-й конференции, которая была в июле 1917 г., мы имели только полтора миллиона членов союзов, к I съезду в январе 1918 г. — 2.600 тыс., ко II съезду 1919 г. — 3.500 тыс., к III — 4.300 тыс., к 5-й конференции 1920 г. — 6.700 тыс.

Я хотел дальше привести некоторые цифры, которые дают приблизительное представление о содержании работы наших профсоюзов. Разумеется, только приблизительное и с теми же оговорками, которые относятся к числу организованных членов профсоюзов. Передо мною разработка протоколов заседаний президиумов Ц. К-тов профсоюзов за 1920 г. — всех 23 профсоюзов; разработано 1.255 заседаний, т.-е. значительное количество, дающее возможность делать некоторые выводы. На первом месте стоят вопросы экономические, которые обнимают 35,9%, на втором месте — организационные в широком смысле — 27,2%, на третьем месте тарифно-нормировочные, которые обнимают 11,3%. Все эти три группы, по-моему, с известным правом могут быть объединены в одну общую группу — экономически-хозяйственных вопросов, ибо тарифно-нормировочные относятся к таковым, точно так же, как в большинстве и организационные. В целом все эти вопросы дают $\frac{3}{4}$ всех обсуждаемых вопросов. Понятно, среди этих вопросов много вермишельных, мелких. Часто в дискуссии

указывали на то, что если какой-нибудь союз обсуждает вопрос о ремонтировании своего здания, то он также записывает его как экономический вопрос. Но все-таки, когда мы имеем такую цифру, как 75 с лишним $\%$, относительно всех профсоюзов, за целый год, мне кажется, что это дает нам известное право утверждать, что профсоюзы в общем и целом за 1920 г., — я не могу привести сравнительной статистики, — все ближе и ближе подходят именно к хозяйственно-организационным вопросам.

Я имею также таблицу, которая разработана по отдельным союзам, и в этой таблице бросаются в глаза следующие два наиболее крупных союза. Во-первых, союз металлистов, во главе которого стоят тов. Шляпников и его друзья, которые больше всего в печати доказывали, что союзы должны принять больше участия в производстве. Этот союз, однако, значительно отстал от других по части интереса к хозяйственным вопросам. Вот цифры относительно союза металлистов по четвертям года. За 1-ю четверть 1920 года экономические вопросы составляют 37 $\%$, за 2-ю — 48 $\%$, за третью — 28 $\%$, за 4-ю — 46 $\%$. Тарифно-нормировочные: за первую — 18 $\%$, за 2-ю — 11 $\%$, за 3-ю — 17 $\%$, за 4-ю — 16 $\%$. Цифры, касающиеся организационных вопросов, также указывают на некоторое замирание в деятельности этого союза: 1-я четверть — 12 $\%$, 2-я — 7 $\%$, 3-я — 10 $\%$, 4-я — 6 $\%$.

Второй союз, который особенно сильно настаивал в пропаганде и агитации на том, что союзы должны принимать наиболее близкое участие в производстве, это — Цектран. Цифры относительно данного союза, к моему удивлению, указывают на то, что этот союз меньше других занимается экономическими вопросами. За 1-ю четверть экономические вопросы составляли у него 24 $\%$, дальше большой рост: за 2-ю — 90 $\%$, за 3-ю — 35 $\%$, 4-ю — 54 $\%$. Тарифно-нормировочные: за 1-ю четверть — 15 $\%$, 2-ю — 17 $\%$, 3-ю — 10 $\%$, 4-ю — 4 $\%$. В отношении организационных вопросов у Цектрана все время рост: за 1-ю — 10 $\%$, за 2-ю — 40 $\%$, за 3-ю — 70 $\%$, 4-ю — 94 $\%$.

Повторяю, что эти цифры имеют только относительное значение. Статистика нашего продвижения еще хромает и очень отстала, но я думаю, что вы не посетуете на то, что я привел эти цифры.

Я перехожу теперь к вопросу о роли наших профсоюзов в производстве. Вы знаете, что в дискуссии делалась попытка представить дело так, будто мы больше всего расходимся именно в

том, что мы, сторонники платформы «десяти», якобы не понимаем всей необходимости того, чтобы профсоюзы начали участвовать в производстве в большей степени, чем до сих пор. Мы в дискуссии утверждали, и мы в этом глубоко убеждены, что не в этом центр вопроса. Поскольку дело идет о так называемом срачивании, поскольку дело идет о тех взаимоотношениях, какие должны сложиться между союзами и хозяйственными органами, мы должны прежде всего обратиться к съездам профсоюзов, с одной стороны, к съездам совнархозов — с другой, и посмотреть, что думают они, эти две наиболее заинтересованные стороны. Что касается профсоюзов, то достаточно известны тезисы тов. Рудзутака, принятые громадным большинством на последней конференции профсоюзов. А эти тезисы полностью стоят на позиции необходимости возможно большего усиления роли профсоюзов в производстве. Это стало бесспорным для профсоюзов. И поскольку дело идет о резолюциях, — а ведь пока что мы говорим только о резолюциях, пока дело идет только о формулировке взглядов, и мы еще будем говорить, насколько эти решения приведены в жизнь, — мы видим, что продвижение на всех конференциях, и в том числе на последней итоговой, стояло на позиции, которая не оставляет ни малейшего сомнения в том, что профсоюзы понимают необходимость возможно большей роли их в производстве. Обратимся теперь ко второй стороне — к съездам совнархозов. Я превосходно знаю те громадные недостатки, которые имеет орган, называемый ВСНХ. Мы в Петрограде особенно тяжело испытываем на своих боках те громадные, неслыханные недостатки, которые есть в этом важнейшем нашем органе. Но я говорю не о практике этого органа, а о взглядах съездов совнархозов на тот вопрос, который сейчас занимает умы партии, который мы сейчас решаем. Товарищи, в дискуссии не было обращено до сих пор внимания на резолюцию последнего III Всероссийского съезда ВСНХ⁽⁶⁾, который занимался также специально этим вопросом. Я прочитаю выдержку из этой резолюции. Резолюция III съезда ВСНХ гласит: «Организационный аппарат управления промышленностью должен целиком опираться на профессиональные производственные союзы, являющиеся одной из важнейших организующих сил в народном хозяйстве; организационная связь между хозяйственными органами и союзами должна быть перенесена и на все остальные отрасли промышленности, для чего устанавливается следующее положение...»

Вы видите, таким образом, прямое заявление, что организационный аппарат промышленности должен деликатно опираться на профсоюзы. Вы видите выражение: «органическая связь между хозяйственными органами и союзами», что во всяком случае не менее, а более ясно, чем несколько туманный термин «сращивание», и дает полное представление о том, как III съезд ВСНХ представлял себе дело. Повторяю, я пока говорю только о формулировке взглядов, а не о том, как эти взгляды удалось осуществить. И раньше, чем говорить об особом, сверх-комплектном, профессиональном «кризисе», мы должны были спросить эти две заинтересованные стороны — с одной стороны, профдвижение, с другой стороны, съезд СНХ: подлинно ли они не понимают необходимости органической связи и большей роли союзов в производстве? Мы видим, что, поскольку дело идет о формулировках, такие авторитетные органы, как, с одной стороны, Всероссийские съезды и конференции профсоюзов, а с другой стороны — Всероссийский съезд ВСНХ, вполне понимая необходимость этой органической связи, признают, что профсоюзы должны увеличивать свою роль в производстве. Если это до сих пор не было проведено в жизнь, — а оно, действительно, не было проведено, — то это объясняется в очень значительной мере той общей обстановкой, какую мы имеем сейчас.

Вы помните, товарищи, тезис 1-й платформы тов. Троцкого и его единомышленников, который посвящен так называемому «кризису в профдвижении» и о котором так много мы говорили в ходе дискуссии. И теперь, на основе новых событий, он звучит, мне кажется, несколько по-новому. Если его перечитываешь сейчас, то всю его неверность видишь гораздо более наглядно, чем месяца два тому назад. Я его напому. Он гласит: «Наши профсоюзы переживают тяжелый кризис, который выражается в ослаблении связи с массами, в постоянных трениях и частых конфликтах с хозяйственными органами и партийными организациями, в топтании союзов на месте, в неопределенности стоящих перед ними задач и в происходящей отсюда идейной сумятице».

Вы знаете, что во всей дискуссии тов. Троцкий и его единомышленники пытались представить дело так, будто профессиональные союзы переживают какой-то свой особенный профессиональный кризис. Товарищи, сейчас, когда мы подытоживаем опыт, достаточно убедительный и увесистый, мы все видим правоту той точки зрения, которая говорила, что если есть кризис, то

это кризис общий, а не особый кризис профессиональных союзов. Теперь, как ни трудно сознаться в этом, мы переживаем некий кризис революции, на основе которого, само собой понятно, все наши организации, особенно наиболее массовые, к каковым относятся профессиональные союзы, тоже переживают наиболее тяжелое время. Ошибка заключалась в том, что пытались изобразить, будто именно в профессиональных союзах мы имеем какой-то особенный кризис, и не видели, что надвигается переломный момент, подводящий нас к общему кризису, в исходе которого профессиональные союзы будут играть роль наиболее важного рычага, который поможет партии выйти из кризиса. Вот почему неправилен был тот набег на профессиональные союзы, который мы все видели; вот почему неверно было изображать профессиональные союзы как наиболее больные организации, и не видеть того, что, если у нас есть связь с массами, то эта связь лежит в профессиональных союзах.

Вы помните, что в ходе дискуссии мы затрагивали вопрос о том, должны ли профессиональные союзы защищать интересы рабочего класса и в Советском государстве. На это нам говорили, что в капиталистических странах роль профессиональных союзов вполне определенная, — у нас же, в стране господства рабочего класса, роль защиты интересов рабочих от профессиональных союзов отпала. Вы помните, как тов. Ленин по этому поводу сказал, что у нас «рабоче-крестьянское государство», потом поправился и сказал точнее: «рабочее, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладают не рабочие, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением». Переживаемый ныне момент на этот вопрос отвечает очень убедительно. Съезд явно единодушно настроен в пользу целого ряда уступок крестьянству и видит необходимость идти на концессионную политику. В свете последних событий мы видим подтверждение того, что два месяца тому назад еще не было так ясно — мы видим, что профессиональные союзы имеют задачу защиты рабочих. Когда у нас в самом рабочем классе становится неблагополучно, когда он недоволен недостаточным вниманием к нему — где та организация, которая может дать исход? Кроме профессиональных союзов, этого никто сделать не может. Если концессионная политика станет фактом, и на концессионных предприятиях будут работать тысячи рабочих, разве тогда профессиональные союзы не будут и здесь иметь своих

определенных особых задач? Таким образом, если подводить итог всему сказанному, мне кажется, что, вследствие новых событий, наша точка зрения особенно ясна.

Я вынужден сильно сокращать свою речь, так как в моем распоряжении очень мало времени. Хотел бы только два слова сказать о «рабочей оппозиции». Мне кажется, что если месяца два тому назад можно было еще незрелым людям мечтать о передаче всего союзам и «всероссийскому съезду производителей», то после событий, которые мы имеем сейчас, кто из серьезных рабочих, принадлежащих к «рабочей оппозиции», поставит вопрос так: пусть через 2 недели собирается «всероссийский съезд производителей» и берет все в свои руки?

На съезде «производителей» (т.-е. и крестьян) в нынешний тяжелый момент большинство будет беспартийных, добрая часть эс-эров и меньшевиков. И им отдать в руки все? Кому не ясно, что поставить так дело, это значит рисковать головой всего пролетарского движения? Таким образом, говорить серьезно о «всероссийском съезде производителей» не приходится. Но этот вывод вовсе не значит, что мы должны отворачиваться от беспартийной массы. Нисколько! И тут профессиональные союзы являются мостиком между партией и всей многомиллионной массой. Но от них до «всероссийского съезда производителей», который будет делать все, что ему угодно, еще дистанция огромная. Когда «рабочая оппозиция» говорит о «всероссийском съезде производителей», то она, повидному, забывает, что это понятие «производитель» охватывает не только пролетариат, но и полупролетариат, оно охватывает и собственника-крестьянина, так как и он является «производителем». Таким образом, «рабочая оппозиция» хочет отдать весь тот громадный капитал, который мы накопили за время революции, неустойчивой мелкобуржуазной стихии. В свете новых событий опрометчивость и синдикалистский уклон «рабочей оппозиции» становятся особенно ясны. Мы, сторонники платформы «десяти», можем пожаловаться только на одно: что события слишком быстро подтвердили многие наши опасения и наши доводы. Очень велики издержки производства по нашим дискуссиям. Но все-таки, если бы мы дискуссии не проделали, если бы не имели ясности на съезде по данному вопросу, тогда опасность для революции была бы поистине гигантской. Мы спорили на деле по вопросу о подходе к массам, о борьбе с бюрократизмом в нашей собственной среде. Если вы-

разниться несколько грубовато, платформа «десяти» была направлена в тому, чтобы взять верхушку партии за уши и повернуть ее лицом к рабочим массам.

Это надо сделать во что бы то ни стало. Но не так, чтобы отдать все какому-то неизвестному «съезду производителей» и отказаться от всего того, что накоплено за годы революции. Борьба с закорюзностью, борьба с бюрократизмом — к этому сводилась платформа «десяти». И сейчас дело идет о том, чтобы ее сделать от имени съезда законом для всей партии и чтобы на весь дальнейший период сделать все надлежащие выводы. Ближе к массам — вот первый вывод из нашего спора о профсоюзах.

Мы все чувствуем теперь чуть ли не физически, как мал, как тонок слой пролетариата в нашей громадной крестьянской стране. Теперь, когда говорят: «мелкобуржуазная стихия», — это уже не отвлеченное понятие, мы чувствуем на каждом шагу эту стихию. Партии как бы не хватает кислорода. Этот кислород и есть беспартийная масса, настроение которой мы сумеем переломить, если сами будем тверды. Профсоюзы являются до известной степени вместилищем этого кислорода.

Резолюция намечена правильно. Решения на съезде союзов и совпархозов намечены правильно, и, наконец, теперь решение будет принято на партийном съезде. Практика сильно от этого отстала. Практика зависела от всей общей обстановки. Если мы теперь примем ту точку зрения, которая является точкой зрения громадного большинства партии, и если обстановка сколько-нибудь даст возможность провести это в жизнь, мы получим то, что нам надо. Мы в лице союзов получим гигантскую лабораторию, где 7 миллионов, пока только вчерне организованных, будут учиться, организовываться, для того чтобы вести за собой всю остальную страну. Вот почему, кратко подытоживая события последних месяцев и дискуссию, каждый видит: мелкое отпадает, но основное в платформе «десяти» — более правильно. Без этого мы бы стояли у края пропасти. Сейчас мы в трудном положении, но мы держим компас в руках, мы знаем направление и не дадим себя сбить. Зная это направление, мы победим все препятствия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ Доклад о профессиональных союзах на X съезде РКП был сделан т. Зиновьевым 14 марта 1921 г.

^{2, 3 и 4)} — см. статью Г. Зиновьева «Наболевшие вопросы международного рабочего движения» (журнал «Коммунистический Интернационал», № 9, от 22 марта 1920 г.).

⁵⁾ По данным Статотдела ЦК РКП, к началу 1921 г. в рядах РКП числилось 585.000 членов (см. «РКП(б) в цифрах». Изд. Статотдела ЦК РКП. Москва. 1924. Стр. 3).

⁶⁾ III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства происходил в 1920 г.